

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-4-78-42-48

А. В. Ломанов¹, А. А. Золотарев²

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ НООНОМИКИ В ГЛОБАЛЬНЫХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Современный мир находится на сложном этапе развития. В экономике, политике, общественных отношениях и других сферах наблюдаются многочисленные фундаментальные изменения, которые ведут к качественным трансформациям глобального экономического и общественного устройства. В статье рассматривается роль России и Китая в этом, отмечается важность взаимодействия между ними, особенно в перспективе долгосрочного цивилизационного развития и формирования нового мирохозяйственного уклада.

Ключевые слова: новое индустриальное общество второго поколения, ноономика, российско-китайские отношения, мирохозяйственный уклад, стратегирование, полюс роста.

УДК 330.352

Современный миропорядок находится в состоянии **многовекторной трансформации**, которая, безусловно, затрагивает и его основу – экономику. Влияние материального фактора на развитие общества в целом раскрыто в трудах С.Д. Бодрунова, члена-корреспондента РАН. Он указывает, что эволюция современного и будущего общества идет в направлении формирования сначала нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) [1], а затем – ноономики [2]. Ноономика – это особая форма организации общества, которой присуще исчезновение экономических отношений в современном, традиционном виде, как отношений между людьми по поводу производства материальных благ.

Возникновение же ноономики, при этом, как это не парадоксально, происходит именно в силу интенсивного количественного и качественного развития системы производственных экономических отношений. То есть, при переходе даже к неэкономическим формам организации общества, экономический фактор играет определяющую роль.

Процессы общественной эволюции происходят нелинейно, порой противоречиво и турбулентно, в рамках не только прямого влияния «базиса» на «надстройку», но и

¹ *Александр Владимирович Ломанов*, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (117997, РФ, Москва, ул. Профсоюзная, 23), доктор истор. наук, профессор РАН, e-mail: a_lomanov@hotmail.com.

² *Александр Анатольевич Золотарев*, исполнительный директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная ул., 16), канд. экон. наук, e-mail: zolotarev@inir.ru.

обратного влияния. Безусловно, система общественных институтов, воплощенная в политике, культуре, идеологии, правовых и нравственных нормах и т.д. оказывает мощное влияние на экономическое развитие. При этом, если до первого десятилетия XXI века социально-экономическое развитие происходило в рамках парадигмы глобализации [3, 4], то после глобального кризиса 2008–2009 гг., когда несовершенство существующих моделей социально-экономического развития и их теоретических осмыслений стало явным, большее значение приобрели концепции, тяготеющие к идее глокализации [5, 6, 7].

Если от теории перейти к практике, то глокализация находит воплощение в формировании в глобальном пространстве новых зон (полюсов) межрегионального развития, выступающих своего рода «центрами кристаллизации», притяжения новых стран и объединений, которые принимают «правила игры», сформованные в этих полюсах развития. Мировой порядок становится многополярным, это определяет плюрализм как теоретических концепций социально-экономического развития, так и реализуемых на практике моделей управления данным развитием.

Одну из таких зон межрегионального развития формируют отношения России и Китая, которые активно развивались на протяжении последних 10 лет. Однако новый импульс им дали массированные санкции в отношении России и Китая, введенные «коллективным Западом» и США в течение последних лет. Формирование этого полюса развития тесно связано с идеей мирохозяйственных укладов, выдвинутой академиком РАН С.Ю. Глазьевым.

В частности, в настоящее время идет формирование нового интегрального мирохозяйственного уклада, его развитие коррелирует с тенденцией перехода к НИО.2 и далее к ноономике [8, с. 124–128]. Естественно, что этот переход не может произойти автоматически и безболезненно, т.к. затрагивает экономические интересы значительного числа субъектов. В связи с этим «особое значение ... имеют потенциал стратегирования трансформации общества и стратегического планирования, качество промышленной и социальной политики, наличие и уровень различных ассоциированных форм производства и потребления и т.п.» [там же, с. 231].

Важно отметить, что и Китай, и Россия имеют стратегические интересы в более тесной интеграции. Стратегическое сходство позиций России и Китая определяется тем, что они не ориентируются на принятые на Западе парадигмы «фундаментально-рыночного» развития, признавая их не полную адекватность современным реалиям.

Как отмечают С.Д. Бодрунов и С.Ю. Глазьев, «возрождение идей о необходимости и полезности государственного регулирования и контроля над трансграничными потоками и ключевыми показателями воспроизводства капитала, валютных ограничений, планирования социально-экономического развития и совершенствования сферы промышленности, ранее подвергнутых критике и вытесняемых вашингтонскими институтами, становится знаковым событием для развития... Так называемый Пекинский консенсус как альтернатива «Вашингтонскому» становится все более привлекательным в мире, поскольку он опирается на принципы общественного благополучия, уважения национального суверенитета, сотрудничества и взаимного доверия» [там же, с. 129].

Данные взгляды хорошо коррелируют с традиционной российской системой ценностей. «Исключительное место России и ее особая привлекательность на евразийском пространстве и в мире определяются следующими чертами: ... Россия – это не просто страна, по сути, она представляет собой «государство-цивилизацию», которое совместно с Европой, Китаем и Индией формирует особую социокультурную и исто-

рическую зону; ... будучи центром Евразии, Россия соединяет ее восточную, западную и южную окраины; ... Россия объединяет все основные мировые религии на открытой и недискриминационной основе, тем самым создавая уникальное „культурно-духовное пространство“» [там же, с. 135].

Кроме того, необходимо обратить внимание на исторический опыт стратегирования, накопленный в период СССР. В советский и постсоветский периоды он активно заимствовался (с последующим переосмыслением и творческой адаптацией к новым страновым и историческим условиям) Китаем, и этот факт играет особую роль в возможности выстраивания продуктивного межгосударственного взаимодействия.

Конечно, рассматриваемые нами трансформационные изменения носят стратегический характер, что требует использования соответствующего инструментария управления, на роль которого в наибольшей степени, по нашему мнению, подходят инструменты стратегирования, разработанные в концепции стратегирования иностранного члена РАН В.Л. Квинта.

Эти инструменты, как показано в книге «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика» [9], подготовленной В.Л. Квинтом в соавторстве с С.Д. Бодруновым, весьма удачно подходят для цивилизационного развития по вектору НИО.2 – ноономика. По нашему мнению, использование инструментария стратегирования целесообразно в том числе для управления формированием и развитием мирового полюса роста на основе объединения ресурсов и возможностей России и Китая.

При этом, безусловно, теория ноономики и концепция стратегирования в каждой из рассматриваемых стран будет иметь свое содержательное наполнение в рамках практического исполнения.

Одним из самых мощных движителей двусторонних отношений в рамках межрегионального взаимодействия стран в Китае является «**дипломатия первых лиц**». В современной китайской политической идеологии основополагающая роль принадлежит «идеям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой», официально закрепленных в Уставе КПК в 2017 году. Производной этих идей являются т.н. «дипломатические идеи Си Цзиньпина», которые очерчивают общие направления китайской внешней политики, в частности, строительство «сообщества судьбы человечества», продвижение инициативы «пояса и пути», участие в реформировании системы глобального управления и т.д. Предполагается, что партийно-государственный лидер проводит «дипломатию первого лица», участвуя в международных встречах, переговорах на китайских и зарубежных площадках.

В российской практике фактор взаимодействия лидеров также присутствует. Например, президент России В.В. Путин публично заявил о том, что он и Си Цзиньпин не руководствуются «конъюнктурными соображениями текущего момента», стараясь «оценивать ситуацию в комплексе и смотреть в будущее». В Китае этот подход называют стратегическим «планированием сверху», это означает: связи двух стран развиваются не стихийно, а по намеченным на уровне руководства магистральным направлениям.

В китайском информационном пространстве большое внимание уделяют *личному общению* Си Цзиньпина с В.В. Путиным, исходя из того, что «дипломатия первых лиц» двух стран играет «стратегическую направляющую роль». В Китае подчеркивают взаимосвязь *личного взаимного доверия* двух лидеров с успешным продвижением сотрудничества между двумя странами. Считается, что на базе достижений «дипломатии первых лиц» отношения стран продолжают развиваться стабильно и далеко, будет сформирована практическая основа для сотрудничества во всех сферах, а не только в политике.

Международные драйверы российско-китайских отношений за прошедшее десятилетие заметно изменились. Две страны и ранее провозглашали *приверженность миру и развитию*, стремление к *многополярности и неприятие гегемонии*. Но при этом основным вектором для Китая были США, для России – ЕС. Теперь эти приоритеты утрачивают свою актуальность, отношения с Западом ухудшились и у России, и у Китая. Это побуждает Москву и Пекин искать новые подходы к трансформации международного порядка. Взаимная поддержка в условиях ухудшения внешней безопасности становится для Китая не менее актуальной, чем для России.

В 2021–2023 годах Си Цзиньпин одну за другой выдвинул *три глобальные инициативы: развития, безопасности и цивилизаций*. Они основаны на идеях *равенства всех стран, недопустимости навязывания ценностей* и политических систем одними странами другим, повышения внимания мирового сообщества к *развитию оставших стран, неделимой безопасности*.

Иными словами, Китай начал продвигать во внешний мир свое понимание **будущего мирового порядка**.

В целом эти подходы близки приоритетам российской внешней политике, явных противоречий между Россией и Китаем в них нет. В.В. Путин позитивно высказывался о новых китайских инициативах: «Мы исходим из того, что все люди равны, все имеют одинаковые права, права и свободы одной страны и одного народа заканчиваются там, где появляются права и свободы другого человека или целого государства. Вот так постепенно и должен рождаться многополярный мир. Вот именно к этому мы и стремимся, и именно это составляет основу нашего взаимодействия с Китаем на международной арене»³.

Таким образом, между двумя странами есть общее понимание контуров нового миропорядка, который идет на смену старой модели американской гегемонии, как второй по значимости драйвер двусторонних отношений.

В западных СМИ аналитики много рассуждают о том, что Россию и Китай сближают «антиамериканизм», «борьба с демократией», «неприятие либерального миропорядка». Целесообразно обратить внимание на *конструктивный характер стратегических целей* России и Китая. Они не борются против какой-то страны или системы ценностей, они выступают против политики западного диктата, произвольных санкций, «расстыковки», юрисдикции «длинной руки» и т.д.

Россию и Китай объединяет желание **реформировать мировой порядок**, осуществить его **демократизацию**. *Инструментами* реализации этих планов становятся **ШОС и БРИКС**.

Сильное опасение в Китае вызывает перспектива повторения в Азии опыта расширения НАТО в Европе, поскольку США начинают создавать в регионе антикитайские группировки. Вероятные последствия этого со временем могут оказаться сопоставимыми с серьезным кризисом стран Запада в отношениях с Россией. Поэтому внутри международного блока можно выделить **драйвер общего неприятия блоковой политики**, стремление США обеспечить свою безопасность и союзников за счет снижения безопасности других стран (России и Китая).

Россия осуждает попытки раздробить общеевразийское пространство на сеть «эксклюзивных клубов» и военных блоков, направленных на сдерживание развития России и Китая, ущемление их интересов. Это – общий подход двух стран.

³ Интервью Медиакорпорации Китая. Официальные сетевые ресурсы Президента России. 2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72508>

Подчеркнем, что заявленных планов создания военного союза двух стран нет и в обозримом будущем не предвидится. Обе страны исходят из того, что *«блоковая политика» является пережитком прошлого*. Москва и Пекин *создают отношения нового типа*, которые показывают позитивный пример для всего мира.

Здесь давним экономическим драйвером является **энергетическое сотрудничество**. Китайские эксперты предпочитают называть поставки российских углеводородов в Китай **стабилизатором** двусторонних отношений, а не их двигателем.

В стоимостном выражении Россия уже стала главным поставщиком энергоносителей в Китай. Рост масштабов такого энергетического сотрудничества в Китае воспринимают позитивно, рассуждений об опасности попадания в *«зависимость»* от России там пока не заметны. Россию воспринимают как **гаранта энергетической безопасности** Китая.

Вместе с тем в китайском экспертном сообществе есть опасения по поводу стабильности российской политики сближения с Китаем, они связаны с тем, что после завершения *«украинского кризиса»* Россия опять может развернуться в сторону Запада, исходя из этого, звучат рекомендации не торопиться сближаться с Россией, чтобы потом не оказаться в неблагоприятной ситуации, когда Россия *«отвернется от Китая»* и опять начнет возвращаться в *«европейский дом»*.

Однако эти опасения не имеют под собой реальной основы: В.В. Путин неоднократно подчеркивал надежность России как поставщика энергоресурсов, а разрыв сотрудничества в этой сфере с Западом не был инициативой российской стороны. При этом технологически – трубопроводные поставки не просто *«развернуть»*, и, если они сейчас перенаправляются в Китай, это технологически закрепляет сотрудничество в поставках на длительную перспективу.

Очевидным и бесспорным драйвером российско-китайского сближения является **торгово-экономическое сотрудничество**. Эта сфера уверенно развивается и растет, несмотря на последствия пандемии, трудности в мировой экономике и колебания глобальных рынков. Поставленная лидерами двух стран цель выхода товарооборота на уровень 200 млрд долларов в 2024 году досрочно будет достигнута в 2023 году.

По объему торгового оборота Китай стал первым партнером России еще до введения Западом полномасштабных антироссийских санкций, Россия занимает шестое место среди торгово-экономических партнеров КНР; прогнозы показывают, что уже к 2026–2027 гг. она займет 5-е–4-е место.

В октябре 2023 года В.В. Путин, в частности, указал на хорошие перспективы российско-китайского сотрудничества в автомобилестроении, судостроении, авиастроении, электронике и т.д.

Сопутствующими драйверами взаимодействия становятся также общие интересы в обеспечении *национальной экономической и военной (оборонной) безопасности*. Обе страны нацелены на *овладение ключевыми технологиями для снижения зависимости от западного диктата, на создание финансовых механизмов без использования западных валют и услуг западных банков*.

И наконец, драйвером двусторонних отношений все больше становится *развитие трансграничной и региональной транспортной инфраструктуры* между российским Дальним Востоком и Северо-Восточным Китаем. Для России развитие инфраструктуры в регионе стало неотложным в связи с переориентацией внешнеторговых потоков. Для Китая такое развитие инфраструктуры в сопредельных странах полностью соответствует провозглашенной Си Цзиньпином инициативе *«пояса и пути»*. Россия при этом, не являясь непосредственным участником *«пояса и пути»*, продвигает идею соз-

дания стыковки ЕАЭС с «поясом и путем» и призывает к созданию Большого Евразийского партнерства как совокупности всех региональных интеграционных форматов.

Список литературы

1. Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Изд. 2-е, дополненное. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. 2016. 328 с.
2. Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. Малышева Д. Постиндустриальный мир и процессы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 3. – С. 90–97.
4. Globalization: A Brief Overview // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2008/053008.htm>.
5. Игнатьев В. И. Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. – 2020. – № 7. – С. 37–46.
6. Плотников В. А. Синхронизация технологических, социальных и экономических преобразований в условиях «островной» трансформации // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, № 3. – С. 112–123
7. Roudometof V. Glocalization: A Critical Introduction. London: Routledge, 2016. 206 p.
8. Бодрунов С. Д., Глазьев С. Ю. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. – 340 с.
9. Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 351 с.

References

1. Bodrunov S. D. (2016) Gryadushcheye. Novoye industrial'noye obshchestvo: perezagruzka [The Coming of New Industrial Society: Reloaded]. 2nd edition, expanded. St. Petersburg: S.Y. Witte INID. 328 p.
2. Bodrunov S. D. (2018) Noonomika [Noonomy]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p.
3. Malysheva D. (2000) Postindustrial'nyy mir i protsessy globalizatsii [Post-industrial World and Processes of Globalization]. World Economy and International Relations, 3, pp. 90–97.
4. IMF (2008) Globalization: A Brief Overview. URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2008/053008.htm>.
5. Ignatyev V. I. (2020) Sotsial'nyye lokal'nosti v epokhu informatsionno-setevoy glokalizatsii [Social Locality in the Age of Information and Network Glocalization]. Sociological Studies, 7, pp. 37–46.
6. Plotnikov V. A. (2022) Sinkhronizatsiya tekhnologicheskikh, sotsial'nykh i ekonomicheskikh preobrazovaniy v usloviyakh «ostrovnoy» transformatsii [Synchronization of Technological, Social and Economic Transformations in the Conditions of “Island” Transformation]. Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID, 1(3), pp. 112–123.
7. Roudometof V. (2016) Glocalization: A Critical Introduction. London: Routledge. 206 p.
8. Bodrunov S. D., Glazyev S. Y. (2023) Zakonomernosti formirovaniya osnov noonomiki kak gryadushchego obshchestvennogo ustroystva: znat' i deystvovat' [Regularities of the Noonomy

Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate]. St. Petersburg: S.Y. Witte INID; Moscow: Tsentrkatalog Publ. 340 p.

9. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021) Strategirovaniye transformatsii obshchestva: znaniye, tekhnologii, noonomika [Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy]. St. Petersburg: S.Y. Witte INID. 351 p.

A.V. Lomanov⁴, A.A. Zolotarev⁵. Strategic Principles of Noonomy in Global International and Interregional Relations: Theory and Practice. The modern world is at a difficult stage of development. In economics, politics, public relations and many other areas, there are numerous changes leading to qualitative transformations of the global economic and social order. The article examines the roles of Russia and China in these processes, and emphasizes the importance of their cooperation, especially in terms of long-term civilizational development and the foundation of a new world economic order.

Keywords: new industrial society of the second generation, noonomy, Russia-China relations, world economic order, strategizing, growth pole.

⁴ *Aleksandr V. Lomanov*, Deputy Scientific Director, Head of the Center for Asia Pacific Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsoyuznaya ul., Moscow, 117997, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor of the RAS, e-mail: a_lomanov@hotmail.com.

⁵ *Aleksandr A. Zolotarev*, Executive Director of the S. Y. Witte Institute of New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya ul., Saint-Petersburg, 197101, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: zolotarev@inir.ru